

ГЛАВА II

На чьи деньги Герцен бил в свой «Колокол», или Зачем барон Ротшильд шантажировал русского царя

Россия налегла, как вампир, на судьбы
Европы.

А. И. Герцен

Если мы хотим чем-то помочь какому-
нибудь делу, оно должно сперва стать
нашим собственным, эгоистическим
делом...

Ф. Энгельс

Болтуны и мечтатели. Именно из этих двух категорий уже более 150 лет рекрутируются те, кто пытается уничтожить Россию. Меняются исторические декорации, но их цель и по сию пору остается неизменной.

Кто же первым начал идейно бороться с «проклятым царизмом», кто произнес вслух будущие постулаты наших «борцов за свободу»? Кто первым начал агитировать население Российской империи эту самую империю похоронить, пусть и под самыми красивыми лозунгами?

Ответ на этот вопрос очевиден — Александр Иванович Герцен. И если мы окунемся с головой в жизнь этого «славного» сына нашего отечества, то мы сможем придти практически к самому началу генеалогического дерева русского освободительного движения. К его корням. А корни эти находятся в грязной земле, перепачканы песком, и под толщей многометрового слоя политической почвы таят в себе много страшных секретов...

Знаменитый публицист и писатель, автор, возможно, лучшего в нашей литературе мемуарного романа «Былое и думы», был внебрачным сыном знатного русского барина. Его отец Иван Яковлев, покатавшись по «Европам», вывез оттуда массу впечатлений и немку

по имени Луиза Гааг. Она-то и родила будущего светоча русского освободительного движения 25 марта 1812 г., прямо накануне наполеоновского нашествия. Однако отец, по понятным причинам, не смог поделиться с сыном своим именем и дал отпрыску «переводную» фамилию Герцен (от немецкого слова *das Herz* — сердце). Однако незаконность появления на свет никак не повлияла на дальнейшую судьбу мальчика, ибо, сэкономив на имени, отец щедро снабдил его деньгами. Будучи богатым и образованным человеком, окончив университет со степенью кандидата и серебряной медалью, Герцен принялся бичевать окружающую его русскую действительность. Даже сейчас, спустя почти 180 лет, эта действительность далека от совершенства. Повод покритиковать власть, народ, страну найти легко. Что же говорить о середине XIX столетия. Так, Герцен, автор романа «Кто виноват?», и задал первый великий русский вопрос. Ответ у самого автора также имелся. Через год после окончания учебы Герцен, его приятель Огарев и несколько других молодых людей были арестованы. Повод — студенческая вечеринка, на которой пелась песня, содержавшая в себе «дерзостное порицание», и был разбит бюст императора Николая I. Так борец за свободу Герцен первый и последний раз оказался в тюрьме, украсив свою биографию необходимой для любого революционера отсидкой. После девяти месяцев заключения Александр Иванович был отправлен в ссылку в город Пермь.

Справедливости ради надо сказать, что вся «освободительная» деятельность Герцена на Родине и вправду свелась к уничтожению скульптурных изображений главы русского государства. Весь свой талант агитатора и публициста он раскроет в эмиграции, всю свою славу заработает на чужбине. Это если говорить о высоком. Что же касается вопроса, где же наш герой заработал столько денег, что до конца своих дней мог спокойно и безбедно бороться за свободу русского мужика, то он не так однозначен, как это может показаться на первый взгляд...

Будучи владельцем крепостных крестьян, отправленный в ссылку Герцен своего состояния не лишился. Главе весьма либеральной тогдашней Российской империи даже в голову не приходила возможность какой-либо конфискации имущества ссыльного поселенца. Частная собственность была в России священна, чем, собственно говоря, активно пользовались революционеры всех мастей вплоть до 1917 г., борясь с самодержавием и одновременно получая всевозможные проценты и дивиденды. Зато для того, чтобы выехать за границу, в середине XIX в. необходимо было ходатайствовать у органов власти о получении паспорта. Ссыльный Герцен разрешение на отъезд тоже получает. В общем даже неважно, что именно написал «временно заблудившийся» россиянин в своем прошении. Любопытен факт, что ему

в просьбе не отказали, посчитав, что, отбив ссылку, вину перед Родной Александр Иванович уже искупил. Да и вправду, ее режим надворному советнику Герцену был ранее смягчен. Он имел возможность печататься в журналах, и его художественные произведения становились все более популярными в среде читающей публики. 19 января 1847 г. Герцен с семьей выехал из Москвы за границу, чтобы более уже не возвращаться в Россию никогда...

А Европа того времени кипит и бурлит. В 1848 г. ее потрясает ряд восстаний и революций. Смутой охвачен Париж, полыхают Рим, Палермо, Милан и Венеция. Бунтуют в Берлине, Вене, Праге и Будапеште. Царское правительство относится к этому очень серьезно. Прошлые волны революционной активности в Европе едва не смыли Российскую империю в небытие. Пожар Великой французской революции испепелил Смоленск и Москву, спалив дотла сотни русских деревень. Заливали и тушили его большой и страшной кровью. Вторая волна смуты пришла в нашу страну в начале 1820-х гг. Практически одновременно, словно по команде произошли государственные перевороты в ряде европейских стран. Везде их осуществляли военные. В Испании в результате революции 1820–1823 гг. была установлена конституционная монархия. 24 августа 1820 г. восстает гарнизон города Порту в Португалии, и вот уже Конституция 1822 г. провозгласила и эту пиренейскую страну конституционной монархией. В 1820 г. сигнал к революции в Италии дает восстание карбонариев и гарнизона города Нола близ Неаполя. Тревога императора Николая I будет нам еще более понятной, если мы вспомним, что практически сразу за этими событиями в Европе попытка государственного переворота произошла и в России — 14 декабря 1825 г. И осуществили ее военные, объединенные, словно карбонарии, в тайное общество. О странностях и загадках восстания декабристов мы подробно поговорим в одной из дальнейших глав, а пока лишь заметим, что этот революционный пожар, благодаря решительности русского правительства, удалось загасить кровью относительно малой...

И вот русское правительство с опаской наблюдает, как в Европе собирается уже третья волна смуты и крамолы. Ответом на нее становится царский манифест 14 марта 1848 г. Говоря о революционных потрясениях континента, император Николай I употребляет весьма специфические слова, ничуть не скрывая своей тревоги и опасений. Речь словно идет об отражении вражеского нашествия:

«...По заветному примеру православных наших предков, призвав на помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со Святой нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших».

А. И. Герцен всю жизнь
посвятил борьбе
с Россией

По мнению монарха, в охваченной крамоллой Европе его подданным делать нечего. Итог манифеста — возвращение в Россию из-за рубежа около 26 тыс. русских. Герцен возвращаться в «царство мглы, произвола, молчаливого замиранья» отказывается. Император Николай I от таких его действий в восторг не пришел и немедленно потребовал возвращения. Это сейчас мы являемся гражданами, а тогда были подданными. Разница не только в терминах: подданный обязан выполнять волю своего монарха. Герцен ее не выполнил. Но он не просто остается за границей, он вдруг начинает становиться первым русским политическим иммигрантом! «За эту открытую борьбу, за эту речь,

за эту гласность — я остаюсь здесь», — напишет он.

И начал открытую войну с Россией. Пулями тут будут слова и предложения, а снарядами — статьи и памфлеты. «Теперь за границей завелись опять два мошенника, которые пишут и интригуют против нас: какой-то Сазонов и известный Герцен...», — говорил барону Корфу русский царь. И добавлял: «Вот благодарность за его помилование». Неоднократные «предложения» и приказы вернуться на Герцена не действуют. Тогда Николай I решает склонить своего мятежного подданного к послушанию, как сейчас бы сказали, чисто экономическими методами. «...Надо велеть наложить запрещение на его имение, а ему немедля велеть воротиться», — накладывает резолюцию русский монарх. Логика правительства была простой и понятной. Если перекрыть борцу с темным царством финансовый ручеек, то он должен покориться. Потому как вряд ли захочет лишиться своего крупного состояния.

Не спешите восхищаться мужеством и смелостью свободолюбивого писателя. Даже жесткий и прямолинейный император Николай Павлович не мог себе представить, что упрямство и жажда борьбы охватили Герцена не случайно. Мощные внешние силы решили использовать писателя в своих целях и практически гарантировали ему и физическую, и финансовую безопасность. Дальнейшее развитие событий ярко показывает нам, *какие* это были силы.

Но поначалу Герцен банально прятался. Царское распоряжение относительно него появилось *в июле 1849 г.* Но в течение года (!) ни Министерство иностранных дел, ни русская миссия в Париже просто не могли бунтаря найти. Он просто на время испарился, исчез. Почему будущий смелый обличитель самодержавия сразу не послал это самое

самодержавие куда подальше? Зачем прятался? Ответа у историков и литературоведов мы не найдем. Между прочим, поведение Александра Ивановича мы сможем понять, если представим себе, что до момента письменного официального отказа вернуться в Россию он окончательно не отрезал себе обратного пути на Родину. Именно там, увы, находилось все его имущество. И пока он официально не стал «невозвращенцем», он всячески пытался «вытащить» свои активы. Ведь о царской воле и аресте всех своих капиталов он прекрасно знал. Это легко заметить, сопоставляя даты и читая написанное самим Герценом. Он пишет: «*В декабре 1849 г.* я узнал, что доверенность на залог моего имения, посланная из Парижа и засвидетельствованная в посольстве, уничтожена и что вслед за тем на капитал моей матери наложено запрещение».

Давайте на минутку задумаемся. Представьте, что некая власть заставляет вас сделать то, чему активно противится весь ваш либеральный организм. Попросят, а затем приказывают вам сделать сущую гадость — вернуться на Родину. И выбора вам, по сути, не оставляют: либо делаешь, что говорим, либо останешься без порток. Есть над чем задуматься. День, два, максимум три. И принять решение. Варианты могут быть следующие: вернуться; остаться, поднять шум, потерять деньги и приобрести славу мученика.

Был и еще один вариант — попытаться реализовать имущество и вывезти деньги. Это поначалу и пытается делать Герцен. Но, узнав *в декабре 1849 г.* (через 5 месяцев после решения царя), что этот вариант не проходит, он должен был бы выбирать из двух первых! Дальше-то тянуть нечего! А в реальности Герцен продолжает прятаться, словно что-то выжидая. Пройдет еще девять месяцев (!), прежде чем его смогут разыскать, а вернее сказать, «продумав» еще 270 дней, наш герой вылезет на свет божий из своего укрытия! Лишь *20 сентября 1850 г.* русский консул в Ницце сумел наконец-то передать ему царский приказ о возвращении. Отказ вернуться в письменном виде пришел через три дня. Отчего же прятавшийся более года Герцен теперь отвечает царю моментально? Что изменилось? Почему он все-таки решил потерять свое состояние?

Потому, что Герцен знал: своих денег он не потеряет. Более того, он знал, что если останется на Западе, то проблем с финансами он более испытывать не будет.

Почему он так решил? Потому что мощная внешняя сила все это ему гарантировала. Правда, произошло это не сразу — отсюда и столь долгий срок принятия решения. Гаранты Герцена были столь высокопоставлены, а его будущая задача столь грандиозна, что на все согласования потребовалось около 15 месяцев. Кто же смог дать Герцену гарантийной финансовой неприкосновенности? Кому был нужен публицист, чей талантливый ум будет озабочен лишь одной задачей — сокрушения ненавистной Рос-

сийской империи? Ответ на этот вопрос есть во всех жизнеописаниях Герцена. Правда, на этом моменте биографии Александра Ивановича как-то не принято подробно останавливаться. А зря! Именно в то мгновение нашей истории на поверхности впервые зримо появился первый, пока еще робкий росток ядовитого дерева «русского освободительного движения». Плоды этого дерева принесут нашей стране неисчислимые беды. Ими обильно усыпаны баррикады Красной Пресни, ими была начинена бомба народовольцев, оторвавшая ноги царю-освободителю. Одурманенные запахом и вкусом этих «плодов свободы», будут взрывать себя эсеры-бомбисты, а чекисты-большевики будут не колеблясь подписывать смертные приговоры тысячам русских людей. Да и в наше время именно из этих кроваво-красных ягод разлетаются болты и куски железной арматуры, убивающие мирных людей в московском метро...

Сокрушение русского государства, организация первых попыток его разрушения путем пропаганды были очень нужны внешнему врагу России. После окончания наполеоновских войн в Европе оставались только две поистине мощных сверхдержавы: Россия и Англия. И вот представители некоего государства встречаются с русским подданным по фамилии Герцен и рисуют ему картины будущего. Сделаешь, как мы предлагаем, — и все будет хорошо...

Фамилию одного таинственного незнакомца мы назовем чуть ниже. Договорившись с ним обо всем, Герцен разом перестал бояться санкций русского правительства. Он знал, *что* он теперь будет делать и *что* ему для этого нужно! Позднее в «Былом и думах» он напишет: «Деньги — независимость, сила, оружие. А оружие никто не бросает во время войны, хотя бы оно и было *неприятельское*, даже ржавое». Так Герцен объявил войну своей Родине. Дальнейший ход всей его жизни ясно покажет, что неприятели России вооружат его деньгами до зубов. А что же еще надо писателю и публицисту? Свобода творчества, а деньги, как известно, и есть отчеканенная свобода. Что с того, что ее чеканкой занимаются в государственных банках враждебных России государств?

Реакция русского правительства на отказ Герцена вернуться была молниеносной (по тем временам, разумеется). *18 декабря 1850 г.* Петербургский уголовный суд постановил «подсудимого Герцена, лишив всех прав состояния, признать за вечного изгнанника из пределов Российской империи». Был наложен арест и на капиталы матери писателя, Луизы Ивановны. Но не будем ронять скучную слезу — светочу русской литературы не пришлось мыть посуду в грязных парижских бистро. Не пришлось ему давать уроки русского языка прыщавым парижским студентам. Герцен становится одним из первых русских эмигрантов, «профессиональных» борцов с самодержавием. А если сказать

честнее и проще — то одним из первых бескомпромиссных борцов с Россией.

А жил он широко — не скупясь. На свои средства Герцен имел возможность содержать в Париже политический салон. В этом модном салоне появлялись самые известные революционеры и вольнодумцы того времени: Гарибальди, Прудон, Маркс, Энгельс. При этом Герцен, естественно, нигде не работал. Даже наоборот, он вкладывал свои средства в издание политизированных газет. Но ведь его состояние было арестовано, арестован и капитал его матушки, как же это может быть? О! История финансового «оздоровления» Герцена похожа на сказку и детектив одновременно. Ему помог... банкир барон Джемс Ротшильд!

Фамилия Ротшильд — известная и говорит сама за себя. Если мы возьмем в руки словарь Брокгауза—Эфрона, то мы сможем узнать историю возникновения этого самого мощного банкирского клана планеты. Основатель этого клана Мейер-Ансельм Ротшильд родился в 1743 г. во Франкфурте-на-Майне, в бедной еврейской семье, занимавшейся антикварной торговлей. (Именно так в словаре и написано — сочетание бедняка и торговца антиквариатом создателей не смутило!) Еще в школе на деньги, получаемые для покупки сладостей, он стал совершать коммерческие операции, давать ссуды, составлять и продавать антикварные коллекции. Так и разбогател, причем невероятно. После смерти Ротшильда в 1812 г. его сыновья продолжили дело отца, но уже в других масштабах. Во главе Франкфуртского дома стал его старший сын Ансельм; Соломон основал банкирский дом в Вене, Натан — в Лондоне, Карл — в Неаполе, а интересующий нас более всех других, Джемс — в Париже. Франция, да и вся Европа в тот момент переживала сложный момент своего развития — крушение империи Наполеона. Есть большие подозрения, что клан Ротшильдов приложил к этому не меньше сил и средств, чем некоторые страны антифранцузской коалиции. Открыв филиалы своего банкирского дома во всех крупнейших странах, он стал интернациональной структурой и мог желать и добиваться победы тех сил, которые банкирам были более выгодны. Львиную долю своего состояния Джемс Ротшильд и его братья составили на том, что якобы раньше всех других финансистов узнали о разгроме Наполеона под Ватерлоо. Но как это возможно? Телефонов тогда не было, а гонцы на взмыленных лошадях примчаться должны практически одновременно. К сожалению, источники, пишущие об этом, не сообщают нам, насколько раньше других получили Ротшильды информацию. На час, два, на полсутки? Или они знали итог битвы при Ватерлоо за неделю до ее начала?

Получить такую значительную фору во времени, чтобы успеть заработать астрономические суммы, Ротшильды могли только в одном

случае — если они принимали активное участие в подготовке краха империи Бонапарта!

Такое предположение только на первый взгляд кажется маловероятным. Главным противником Бонапарта были англичане. Именно они на протяжении 28 лет поднимали всю Европу на борьбу с Францией. Именно британские войска совместно с прусским корпусом разбили Бонапарта при Ватерлоо. Вспомним главную причину поражения Наполеона в этом сражении. Маршал Груши, посланный императором с тридцатитысячным корпусом в обход, к месту сражения вообще не явился! Посланный добить и блокировать прусский корпус Блюхера, он его... потерял. После поражения, вызванного его «прогулом», опытейший вояка так и не смог внятно объяснить, где и как он смог так сильно заблудиться. «Поведение маршала Груши было так же невероятно, как если бы по дороге армия испытала бы землетрясение, поглотившее ее», — скажет позднее Наполеон. Великий император совершил роковую ошибку, поручив одну треть своей армии в решающий момент человеку, очень сильно на него обиженному. Когда Бонапарт в массовом порядке сделал своих генералов маршалами, то Груши он маршальский жезл не дал. Обидевшись, тот вообще уволился в отставку. Вернулся в строй он только в 1814 г., во время Ста дней. Тут Наполеон свою оплошность исправил — Груши стал маршалом, но обиду затаил. И в решающий момент исчез с поля битвы.

Дальнейшая судьба Эммануила Робера де Груши разительно отличается от участи ближайших соратников Бонапарта. Маршал Ней и Мюрат были расстреляны, а Груши спокойно уехал в Америку, откуда уже через два года вернулся полностью восстановленный королем во всех званиях и титулах. В почете и богатстве он прожил долгую жизнь и спокойно умер в своей постели. Взошедший на трон французский монарх не забыл и Ротшильда, никакого отношения к Ватерлоо вроде бы не имевшего. Сразу после свержения Наполеона король сделал Джемса Ротшильда кавалером ордена Почетного легиона. Финансовые дела банкира пошли еще лучше. Вскоре его состояние вновь умножилось благодаря устройству внутренних государственных займов. Резко пойдут в гору дела и у остальных представителей клана.

Обычно скупой на награды австрийский император сразу после разгрома Наполеона сделал всех Ротшильдов рыцарями, а 15 октября 1822 г. наградил их титулами баронов...

Но вернемся к Александру Ивановичу Герцену. Представитель самого мощного банкирского дома планеты и русский писатель не были друзьями. Не были они родственниками по материнской или по от-

цовской линии. Герцен не был женат на дочери Ротшильда, а тот, в свою очередь, не был обязан борцу с царизмом жизнью и свободой. Их не связывало ничего, кроме планов разрушения России и тех тайных договоренностей, что между ними имелись. Почему мы так подробно останавливаемся на этом моменте?

Потому, что иначе никак не объяснить такой факт: ради Герцена Ротшильд не побоялся шантажировать русского царя!

Герцен с Ротшильдом разыграли красивую партию. Первый продал второму билеты московской сохранный казны, принадлежавшие его матери, и на которые был наложен арест. Ротшильд выплатил деньги, а потом, в свою очередь, потребовал оплаты билетов у своего русского контрагента — одного петербургского банкира. Тот ответил, что этого сделать не может в силу запрета властей. *В ответ барон Ротшильд пригрозил бойкотом России со стороны международных финансовых институтов.* Банкир потребовал у своего петербургского партнера немедленно получить аудиенции у министра иностранных дел и министра финансов и заявить им, что он, Ротшильд, «советует очень подумать о последствиях отказа, особенно странного в то время, когда русское правительство хлопочет заключить через него новый заем».

Давайте спокойно проанализируем эту невероятную ситуацию. Еще совсем недавно Джемс Ротшильд владел вторым после короля во Франции состоянием в 600 млн. франков. В 1848 г. короля у французов вновь не стало. Значит в республике Ротшильд стал самым богатым человеком. И вот к нему приходит один из его вкладчиков и предлагает купить некие ценные бумаги. Уже сам факт этого весьма странен. Если вы захотите продать чеки «Америкэн Экспресс» или облигации «Газпрома», разве вы прямиком направитесь к главе газового монополиста Алексею Миллеру или к генеральному директору «Сбербанка»? Можете, конечно, попробовать, и если вам повезет, и вы попадете в кабинет, то постарайтесь быстро и внятно объяснить, зачем уважаемому банкиру покупать у вас арестованные ценные бумаги. Ведь дело выглядит именно так! Если Герцен точно знает, что бумаги у него, мягко говоря, проблемные, и не скажет об этом Ротшильду, то у него потом могут быть серьезные неприятности. После того как барон поймет, что он купилкота в мешке, он должен будет вызвать Герцена и доходчиво объяснить ему, что за такие дела, называемые мошенничеством, сажают в тюрьму или закапывают в землю живым в Булонском лесу или Венсенском парке. После чего логично предположить, что он вернет Герцену облигации и прибавит что-то типа: «Твой царь — ты и разбирайся!».